

СЛЕДСТВЕННЫЕ И СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ

А.Д. НАЗАРОВ, кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса Сибирского федерального
университета

Ключевые слова: уголовный процесс, заключение под стражу, ошибки при заключении под стражу

Статья посвящена развитию института заключения под стражу в российском уголовном процессе. Автор рассматривает названный институт с точки зрения предупреждения следственных и судебных ошибок при заключении под стражу.

The article devoted the development of the taking into custody as the law institute. Author regards of the named institute from point of view the prevention of investigator's and court's mistakes under taking into custody.

Принятое в октябре 2009 г. руководящее постановление Пленума Верховного Суда РФ о практике применения судами мер пресечения, по сути дела, дает широкий карт-бланш в избрании по отношению к подозреваемым и обвиняемым альтернативных заключению под стражу мер пресечения в виде домашнего ареста, залога. Но следует ли ожидать разительных перемен в этом направлении? Когда у России появится прекрасный шанс сдать лидирующие позиции по числу тюремного населения (сегодня Россия по этому показателю занимает второе место в мире: на сто тысяч свободных человек приходится более 600 арестантов — нас опережают только США)? И все ли гуманистические и рациональные научные идеи, связанные с институтом заключения под стражу, учитываются законодателем и правоприменителями?

Действовавшая в советский период процедура применения в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, продления сроков содержания под стражей, включала в себя следующие основные компоненты:

1) Мера пресечения в виде заключения под стражу, ее продление могли применяться в отношении подозреваемого, обвиняемого при наличии классических оснований для ее избрания (скроется от следствия и суда; продолжит заниматься преступной деятельностью; может помешать установлению истины по делу), а также очень часто по мотиву одной, лишь тяжести совершенного им преступления, хотя законодатель допускал при этом и учет иных обстоятельств (данных о личности обвиняемого, характере инкриминируемого ему деяния и т.п.).

2) Сроки содержания и продление сроков содержания под стражей были строго лимитированы.

3) Санкционирование заключения под стражу осуществлял соответствующий прокурор, а в продлении сроков содержания под стражей была задействована вся прокурорская пирамида, вплоть до Генерального прокурора СССР¹.

При прохождении дела через суд сроки содержания под стражей не продлились, и подсудимый находился под стражей до тех пор, пока суд не выносил приговор и пока он не вступил в законную силу, если, конечно, суд по соб-

ственной инициативе не изменял подсудимому содержание под стражей на иную меру пресечения.

4) В подавляющем большинстве случаев прокурор при даче санкции на арест (иногда, и при продлении сроков содержания под стражей) как минимум — проводил беседу со взрослым подозреваемым, обвиняемым, а как максимум — лично допрашивал его. Исходя из требований действовавшего в тот период приказа Генерального прокурора СССР, несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых при помещении их под стражу прокурор обязан был допросить лично.

И, что самое важное, при даче санкции на заключение под стражу, при продлении сроков содержания под стражей прокурор изучал не копии отдельных материалов уголовного дела, а целиком все уголовное дело — прошитое и пронумерованное, с описью всех документов, представленное ему следователем. Основное внимание прокурора было приковано именно к доказательствам, собранным к этому времени по делу, подтверждающим или опровергающим причастность лица к инкриминируемому ему деянию.

5) Прокурор мог в любой момент расследования по уголовному делу изменить подозреваемому, обвиняемому меру пресечения в виде содержания под стражей на любую иную, более мягкую. При определенных обстоятельствах это мог сделать и следователь².

Подобное полномочие, вне всякого сомнения, было эффективным инструментом торга между следователем, прокурором и обвиняемым за правдивые показания (не исключаем, что и за “признательные” — тоже). Ведь желание “все рассказать” в обмен на свободу у обвиняемого подчас появлялось после нескольких дней — недель — месяцев пребывания под стражей.

Конституция РФ 1993 года в ст. 22 провозгласила, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Но еще раньше в свете реализации на практике положений Концепции судебной реформы 1992 года³. Закон Российской Федерации от 23 мая 1992 г. ввел в УПК РСФСР ст.ст. 220-1 и 220-2, предусматривающих возможность и регламентирующих процедуры обжалования в суд и судебной проверки законности и обоснованности “прокурорского ареста” подозреваемого, обвиняемого, а также продления срока его содержания под стражей.

На основании указанных статей УПК РСФСР подозреваемый и обвиняемый, а также их защитники и законные представители получили право обжаловать в суд арест и продление сроков содержания под стражей и на рассмотрение таких жалоб в закрытом судебном заседании⁴.

Причем законодатель (ст. 60 УПК РСФСР) не допускал возможности повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела по существу, если по этому делу на досудебной стадии судья проводил проверку законности и обоснованности применения в отношении подозреваемого, обвиняемого задержания, заключения под стражу, а также продления сроков его содержания под стражей.

В первоначальной редакции ст. 63 УПК РФ содержалась ч. 2, которая учитывала приведенное выше основание невозможности участвовать судье в рассмотрении уголовного дела в суде первой и последующих инстанций. Однако это положение было исключено из уже принятого УПК РФ Федеральным законом РФ от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ.

Таким образом, на наш взгляд, действующая ныне модель заключения подозреваемого, обвиняемого лица под стражу, продления такому лицу сроков содержания под

тражей, отвергла важный прогрессивный элемент, который имелся в подобных моделях советского и переходного периодов — необходимость для суда при решении вопроса о заключении лица под стражу или продлении сроков содержания под стражей исследовать не только “вопрос права” (формальные основания для принятия указанных решений), но и “вопрос факта” — наличие минимального набора доказательств инкриминируемому лицу подозрения или обвинения.

О необходимости проверки наличия достоверных, достаточных и допустимых доказательств, указывающих на наличие определенного вида преступления и причастность подозреваемого, обвиняемого к его совершению, высказываются ученые-процессуалисты Н.В. Буланова, А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева, М.В. Парфенова и другие. Но все, конечно, понимают, что при решении вопросов о заключении под стражу, о продлении сроков содержания под стражей и при решении вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему деянии, должна учитываться разница в требованиях к доказанности обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу на разных этапах его производства⁵.

Почему “вопрос факта” крайне важен для принятия судебного решения:

А) Желает или не желает того суд, но в обоснование своего репрессивного решения он ссылается на квалификацию инкриминируемого подозреваемого, обвиняемого следствием деяния, обращая особое внимание на его тяжесть или особую тяжесть. Вместе с тем теории и практике уголовно-процессуальной деятельности известны такие ситуации, как “завышение уголовно-правовой квалификации деяния” или “квалификация с запасом”⁶.

Делается это следователями по двум причинам:

— чтобы избежать “плохого показателя” в работе — не получить обратно уголовное дело из суда в порядке ст. 237 УПК РФ: ведь если следователь даст “квалификацию с запасом”, то суд сам, не возвращая дело прокурору, с более “строгой” сможет перейти на более “мягкую” квалификацию, но никак не наоборот;

— чтобы гарантированно, зная сложившуюся судебную практику, получить от суда испрашиваемое решение о заключении лица под стражу, продлении сроков содержания его под арестом: ведь в значительном количестве случаев условия изоляции делают обвиняемого покорным, управляемым, удобным (арест становится способом добывания доказательств); исключают нежелательные риски для карьерного роста следователя (“скроется, совершит новое преступление, начнет мешать работать по делу и др.”); способствуют союзу с оперативными работниками, которым нужно раскрывать преступления, получая за это все те же “звезды” и т.д.

Так, к примеру, по делу Л. следователь квалифицировал его действия по ч. 4 ст. 111 УК РФ. И во всех постановлениях суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении сроков содержания под стражей, как заклинание, звучало: “Л. органами предварительного следствия обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, вину свою в предъявленном обвинении не признал...”

А как Л. мог признать себя виновным по ч. 4 ст. 111 УК РФ, когда в материалах уголовного дела с первых же дней расследования не было убедительных доказательств наличия между ним и потерпевшим (его двоюродным братом) неприязненных отношений, умысла Л. на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему, отчего и наступила его смерть?

Л. признавал себя виновным в причинении смерти потерпевшему по неосторожности. Однако квалификация действий Л. по ст. 109 УК РФ вряд ли позволила бы следователю ожидать от суда постановления о заключении Л. под стражу, многократно продлять сроки его содержания под стражей.

А так суд совершенно безболезненно для следователя в ходе судебного разбирательства уголовного дела пере-квалифицировал действия Л. с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ст. 109 УК РФ и назначил ему 8 месяцев лишения свободы в колонии-поселении. К моменту вступления приговора в законную силу Л. фактически отбыл этот срок и был освобожден из СИЗО.

Таким образом, необходимо законодательно закрепить, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (соответственно — и в виде домашнего ареста, залога), при продлении сроков содержания под стражей суд изучает не представленные ему отдельные копии из материалов уголовного дела, а непосредственно все копии материалов уголовного дела. При этом суд, исследуя имеющиеся в деле доказательства, проверяет законность и обоснованность предъявленного обвиняемому обвинения: и с точки зрения квалификации деяния, и с позиций его доказательственного подкрепления.

В связи с этим мы с самого начала поддерживали позицию А.Б. Соловьева и М.Е. Токаревой, что было бы целесообразным отменить в части постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1, в котором было сказано, что судья, рассматривая ходатайство об аресте, не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении. Это положение, как уже указывалось выше, не соответствует требованиям международного и национального стандарта справедливо-го правосудия⁷.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога, домашнего ареста» в п. 19 вновь констатируется, что при решении вопросов, связанных с избранием мер пресечения, «суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом деянии». Но в то же время в п. 2 указанного Постановления суду предписывается «в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению» на основании «достаточных данных о том, что соответствующее лицо могло совершить это преступление, в том числе указанных в статье 91 УПК РФ».

Подобные действия суда при обсуждении вопросов, связанных с избранием обвиняемому ареста или продлении сроков его содержания под стражей, тем более уместны, что суд в порядке ст. 125 УПК РФ имеет право принимать решение по жалобам заинтересованных лиц о законности и обоснованности предъявленного лицу обвинения.

Совершенствуя действующий институт применения мер пресечения, во избежание допущения следственных, прокурорских и судебных ошибок необходимо, на наш взгляд, провести существенную реформу положений законодательства о заключении под стражу, продлении сроков содержания под стражей подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

При законодательном закреплении оснований применения в отношении подозреваемых, обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу, продления сроков их

содержания под стражей, сделать акцент на обязательном представлении в суд доказательств, а не голословных предположений того, что обвиняемый, оставаясь на свободе, может:

- скрыться от следствия и суда;
- совершить новые преступления;
- помешать установлению истины по делу путем уничтожения вещественных доказательств, оказания воздействия на потерпевших и свидетелей и т.п.

Доказательствами всего этого могут быть данные специальных учетов «силовых» структур о предыдущих судимостях лица, его побегах из — под стражи и др.; показания свидетелей (сокамерников и др.) о намерениях подследственного скрыться от следствия и суда, совершить новые преступления, оказать воздействие на свидетелей и т.п.; материалы оперативно-розыскной деятельности, представленные следствию и суду в качестве доказательств преступных намерений подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, наряду с другими доказательствами; и др.

Следует согласиться с позицией З.Д. Еникеева, А.Б. Соловьева, М.Е. Токаревой, что предусмотренные уголовно-процессуальным законом основания применения мер пресечения носят «доказательственно-прогностический» характер, который дает возможность сделать обоснованный вероятностный вывод о дальнейшем поведении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, но это все же — доказательства⁸.

Даже несмотря на то, что УПК РФ прямо не указывает на необходимость доказывания наличия оснований применения мер пресечения по уголовному делу, это вытекает из общих положений уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ, любое определение суда, постановление судьи, прокурора, следователя, дознавателя, в том числе — об избрании меры пресечения, должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Это означает, что оно должно опираться на собранные по уголовному делу доказательства⁹.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и договоров Российской Федерации» сказано:

... «14. При разрешении вопросов о продлении срока содержания под стражей судам надлежит учитывать, что согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

... Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда, либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями.

При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями. В случае продления сроков содержания

под стражей суды должны указать конкретные обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств»...

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» также указано:

... «4. В соответствии с Законом заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть избрано лишь при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения...

К ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 3 ст. 108 УПК РФ) следует прилагать... имеющиеся в деле доказательства, подтверждающие наличие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу...»

Следует заметить, что невозможность применения к подозреваемому, обвиняемому иной, более мягкой, меры пресечения должна быть также подтверждена доказательствами.

В настоящее время суды, как правило, в своих решениях оперируют бездоказательственными фразами, как бы соревнуясь в их абсурдности. К примеру, все по тому же делу Л. — выпускнику Красноярского юридического техникума:

— «Учитывая существо предъявленного Л. обвинения, довод стороны обвинения о том, что избрание в отношении Л. меры пресечения в виде заключения под стражу основан на том, что он может скрыться от предварительного следствия или суда, судья признает убедительным»;

— «Характер и обстоятельства инкриминируемого Л. деяния позволяют судье признать убедительным, что у него имеются все основания воспрепятствовать установлению истины по делу путем оказания воздействия на очевидцев преступления, принимавших участие в разоблачении его преступной деятельности»;

— «Л. легального источника дохода не имеет, семьей не обременен. Обладая познаниями в области права, получит возможность оказать воздействие на свидетелей, изобличающих его в совершении тяжкого преступления. Характер его деяния дает основание, что Л. может скрыться от следствия и суда».

Чтобы хоть как-то сделать видимость аргумента, суд достаточно часто использует такой тезис, как отсутствие регистрации по месту проведения предварительного следствия.

Так, по анализируемому уголовному делу Л., имевшего регистрацию в пригороде Красноярска, суд указал на это как на обстоятельство, ввиду которого обвиняемый якобы не смог бы явиться к следователю по первому его требованию, хотя Л. имел в городе родных брата и тетю, между его населенным пунктом и Красноярском — устойчивые транспортные сообщения (автобус, электропоезд, к тому же, семья Л. имела в собственности личный автомобиль) и связь (сотовая, электрическая).

Избрание заключения под стражу, продление сроков содержания под стражей — каждый раз в суде это новый материал. Удивительно, но, подчас, последующие судебные решения не учитывают преюдициального значения предыдущего.

Так, по делу Л. суд в одном из своих постановлений констатировал следующее:

“Что касается доводов следствия о том, что обвиняемый может воспрепятствовать установлению истины по делу путем оказания воздействия на очевидцев преступления, принимавших участие в разоблачении его преступной деятельности, то с данными доводами суд не может согласиться, поскольку они ничем в ходе судебного разбирательства не были подтверждены, а из показаний следователя следует, что дело находится на заключительной стадии, все свидетели и потерпевший допрошены, и, соответственно, в случае нахождения обвиняемого на свободе, у него не будет реальной возможности повлиять на указанных лиц, изменив, тем самым, ход следствия”. Правда, исключение судьей одного основания при оставлении других, безусловно, не подкрепленных доказательствами, а лишь спрогнозированными, позволили ей продлить срок содержания Л. под стражей.

Однако в последующих судебных постановлениях по продлению сроков содержания Л. под стражей, несмотря на то, что дело уже переходило, а затем перешло в судебную стадию, прогноз — “может оказать воздействие на свидетелей обвинения” — без доказательств появился вновь в постановлениях других судей.

И, самое неприятное, практически нет перспектив обжалования постановлений судей в кассационном, надзорном порядке — пока эти жалобы будут рассматриваться, дело перейдет в стадию судебного его рассмотрения по существу.

Справедливые процедуры заключения лица по стражу и содержания его под арестом являются предметом правового регулирования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а нарушения установленных ею стандартов являются предметом рассмотрения в Европейском Суде по правам человека.

Правовая позиция Страсбургского Суда по поводу соблюдения ст. 5 Конвенции наглядно представлена в одном из рассмотренных дел, в частности в решении “Смирновы против России” (дело № 46133-99 и 48183-99 от 24 июля 2003 г.).

“Лицо, обвиняемое в преступлении, всегда должно находиться на свободе до окончания разбирательства дела, если Государство не сможет доказать, что имеются **уместные и достаточные** причины взять его под стражу”.

“Прецедентное право Конвенции разработало четыре основных причины, оправдывающие помещение лица под стражу:

- возможность того, что обвиняемый скроется от правосудия;
- возможность того, что обвиняемый, находясь на свободе, воспрепятствует отправлению правосудия;
- возможность того, что обвиняемый продолжит преступную деятельность;
- сохранение общественного порядка (предотвращение беспорядков)”.

“Опасность бегства не может быть оценена исключительно на основе серьезности возможного предложения; она должна быть оценена в каждом отдельном случае с учетом ряда других уместных факторов, которые могут или подтвердить существование опасности бегства, или свидетельствовать о малой вероятности этого настолько, что это не сможет оправдать предварительное заключение. В этом контексте необходимо принять во внимание личность обвиняемого, его нравственный облик, его авуары, степень его связи с Государством, в котором он обвиняется, его международные контакты”.

“Вывод, является ли содержание под стражей оправданным, не может быть сделан абстрактно. Оправдан-

но ли содержание обвиняемого под арестом должно быть оценено в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств дела. Длительное содержание под стражей может быть допущено, только если имеются веские основания, **доказывающие**, что в данном конкретном случае имеются подлинные потребности интересов общества, которые, несмотря на презумпцию невиновности, превышают принцип уважения свободы личности.

Из этого следует, что, в первую очередь, именно национальные судебные власти должны гарантировать, чтобы в каждом случае предварительное заключение обвиняемого не превысило приемлемое время. Именно они обязаны исследовать все существенные доводы в пользу или против осуществления подлинной потребности общественно-го интереса, с должным вниманием учесть принцип презумпции невиновности, включающий в себя уважение к свободе личности, и только на основании вышеизложенного выносить решения относительно заключения под стражу”.

“Аргументы за и против освобождения из-под стражи не должны быть **общими и абстрактными**”.

“Действительно, решения, которые Суд имеет в своем распоряжении, отличаются **краткостью и не описывают подробно ситуацию** по делу заявителей”.

По делу Смирновых Европейский Суд единогласно постановил, что имелось нарушение Конвенции, и взыскал с России в пользу заявителей 6500 евро.

Существующая практика и определенные положения действующего института заключения под стражу, таким образом, являются источником следующих ошибок следователя, дознавателя, прокурора, суда:

1. Ошибочное избрание в качестве меры пресечения подозреваемому, обвиняемому, подсудимому заключения под стражу, а также продление им сроков содержания под стражей — в отсутствие необходимых доказательств, на основании прогнозов, предположений и догадок; вместо возможных в конкретной ситуации применения таких мер пресечения, как домашний арест, залог и иных, не связанных с изоляцией от общества.

2. Трансляция подозреваемым, обвиняемым, подсудимым следователю, дознавателю, суду искаженных показаний (оговор, самооговор). При этом следователь, дознаватель, суд ошибочно полагают, что подследственный, подсудимый дают правдивые показания, хотя в действительности эти показания — результат пребывания лица под стражей (недозволенное воздействие на лицо оперативных сотрудников “силовых” структур, соседей по камере (“пресс-хаты”, к сожалению, не легенды, а реалии нынешних ИВС и СИЗО), собственная неадекватная позиция подследственного, подсудимого как психологическая реакция на содержание в условиях изоляции, особенно, если лицо в первый раз совершило преступление, если у него неустойчивая психика и т.п.).

3. Широкое применение “квалификации с запасом” (“завышенной квалификации”) во избежание самых различных (процессуальных, карьерных и др.) неблагоприятных последствий для следователя, дознавателя.

Соответственно, чтобы минимизировать ошибки следователя, дознавателя, прокурора, суда при избрании подозреваемому, обвиняемому, подсудимому меры пресечения в виде содержания под стражей, продлении им сроков содержания под стражей, на наш взгляд, необходимо внести изменения в УПК РФ, сформулировав ст.ст. 97, 99 в следующей редакции:

“Статья 97. Основания для избрания меры пресечения.

1. Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий, вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных **доказательств, дающих основания** полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу”.

“Статья 99. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения.

Суд в пределах предоставленных ему полномочий при избрании меры пресечения изучает все копии материалов уголовного дела.

При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определении ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также **законная и обоснованная квалификация инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния и, соответственно, тяжесть совершенного ими преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства**”.

В ст. 108 УПК РФ “Заключение под стражу” внести следующие дополнения и изменения:

В ч. 1 слова “**фактические обстоятельства**” заменить словом “**доказательства**”.

- ¹ Истории советского времени, правда, известны примеры, когда в отношении определенных обвиняемых по определенным уголовным делам Президиум Верховного Совета СССР принимал Указ о неприменении к таким лицам положений уголовно-процессуального законодательства в части сроков содержания под стражей.
- ² См.: Главы 6, 20, 25 УПК РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с приложениями / сост. Н.М. Кипнис. М.: Юриспруденция, 2001. С. 40–45, 86–87, 105.
- ³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 91.
- ⁴ Следует отметить, что контрольная функция суда с 1993 года стала распространяться и на задержание лица по подозрению в совершении преступления.
- ⁵ Буланова Н.В. Заключение под стражу // Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2005. С. 24–30; Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Парфенова М.В. Обеспечение законности и обоснованности привлечения в качестве обвиняемого по УПК РФ // Прокурорская и следственная практика. 2006. № 3–4. С. 128–131; Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России (от УПК РСФСР 1960 года к УПК РФ 2001 года). Ереван: Ереван. гос. ун-т, 2008. С. 55–62.
- ⁶ По данным нашего исследования, проведенного в 90-е годы ушедшего столетия, “квалификация с запасом” в структуре следственных ошибок, связанных с нарушениями материального права, составляла 70,9%. В настоящее время, как показывают регулярно проводимые нами исследования этой проблемы, ситуация ничуть не улучшилась. См.: Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 112.
- ⁷ Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Указ. соч. С. 258–259.
- ⁸ Еникеев З.Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань: Казан. гос. ун-т, 1982. С. 8; Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Указ. соч. С. 237.
- ⁹ Там же. С. 237; Подробнее об этом см.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2006. С. 134–147.